

Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.

Ближний Дальний Восток: будущее тихоокеанской России

Close Far East: the future of Pacific Russia

Статья представляет собой рецензию на совместную монографию А.Л. Лукина и Ли Ренсселлера «Российский Дальний Восток: новая динамика в АТР и за его пределами». В книге рассматривается история, экономика, политика Дальнего Востока – ключевого региона России. Рецензия анализирует видение авторами состояния и перспектив развития РДВ в контексте меняющейся внешней среды, в том числе возможности создания российско-китайского альянса, проблемы преодоления экономической зависимости России от Китая, вероятности укрепления Россией отношений с соседями по АТР, в том числе и США.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Россия, Китай, Соединенные Штаты Америки, наместничество, экономика, политика*

The article reviews the book of A. Lukin and Rensselaer Lee “Russia’s Far East: new dynamics in Asia-Pacific and beyond”. The book outlines the history, economics and politics of the Far East – the pivotal region of Russia. The review analyzes the authors’ visions of the state and prospects of the Russian Far East’s development in the context of changing environment, such as the possibility of building Sino-Russian Alliance, the problem of overcoming Russia’s economic dependence on China, the possibility of furthering Russia’s relations with the Asia-Pacific neighbors in the Asia-Pacific region, including the United States.

Key words: *Russian Far East, Russia, China, The United States of America, viceroyalty, economics, politics*

Российский Дальний Восток (РДВ) за последние годы привлекает все более пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей, экспертов, политических деятелей. С того момента, как руководство нашей страны сделало акцент на активизацию присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), судьба наших дальневосточных территорий оказалась связана с судьбой всей страны, а иницилируемые федеральным центром проекты, нацеленные на социально-экономические преобразования региональных масштабов для создания привлекательного облика тихоокеанской России, свидетельствуют как минимум о понимании российской политической элитой стратегической значимости Дальнего Востока для национальных интересов.

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Рецензия на книгу: Rensselaer Lee and Artyom Lukin. Russia’s Far East: New Dynamics in Asia Pacific and Beyond. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2015. 276 p.

Однако позитивная тональность перспектив сближения России с развитыми экономиками Тихоокеанского бассейна, также как и вероятность более тесного взаимодействия с региональными партнёрами имеет теневую сторону в силу незначительного веса российского участия в интеграционных процессах и механизмах осуществления безопасности в АТР. Позиция России в регионе определяется преимущественно геополитическими ожиданиями (даже поворот на восток произошёл во многом из-за противоречий с западными державами на фоне обострения украинского кризиса), что ставит перед Москвой на первый план задачу сохранения своего влияния на Дальнем Востоке, а уже потом необходимость преодоления периферийности данной территории. Кроме того противоречивый международный имидж России, в том числе и среди большинства тихоокеанских держав, ставит под сомнение успешность реализации грандиозных планов российского руководства по модернизации Восточной Сибири и Дальнего Востока и превращения восточных окраин в территории опережающего развития. Необходимо также отметить военно-политическую роль Дальнего Востока как российского форпоста на Тихом океане, что вызывает тревогу у ряда соседей по региону.

При всем многообразии оптимистических и скептических прогнозов относительно будущего РДВ, большинство из них исходит скорее из ситуативного и даже конъюнктурного видения проблемы. В этом отношении недавняя монография дальневосточного учёного А.Л. Лукина и американского исследователя Ренселера Ли «Russia's Far East: new dynamics in Asia-Pacific and beyond» («Российский Дальний Восток: новая динамика в АТР и за его пределами») представляет собой пример комплексного анализа положения дальневосточных территорий России с учётом существующих рисков, вызовов и возможностей. Помимо рассмотрения исторического ракурса формирования дальневосточной России, а также географических и геополитических условий, повлиявших на данный процесс, авторы внесли весомый вклад в освещение роли Дальнего Востока в современных международных отношениях в АТР, затрагивая ключевые положения внешней политики Москвы, особенности международных процессов в Северо-Восточной Азии (СВА), влияние субрегиональных акторов на развитие дальневосточных территорий, тенденции и перспективы вовлечения российского Дальнего Востока в тихоокеанскую интеграцию и возможности его превращения из проектной в приоритетную сферу международного сотрудничества.

В первой главе монографии даётся общая характеристика проблем РДВ: экономический, исторический, административно-управленческий и международный аспекты. Во второй авторы оценивают географическое положение и особенности хозяйственной деятельности РДВ, характеризуя данную территорию как область с преобладанием сырьевой направленности экономического развития. Авторы объясняют сложившееся положение вещей не только влиянием природно-климатических условий, но и интересами федеральных властей, стремящихся контролировать минеральные богатства региона и не допустить его обособления.

Третья глава, посвящённая истории РДВ и охватывающая хронологические рамки от XVI века до распада СССР, повествует о сложном и многообразном процессе становления и развития дальневосточных субъектов. В ней логично отмечается, что большинство из современных проблем и трудностей РДВ коренится в его непростом прошлом, вобравшем в себя опыт колонизации, усиления и ослабления государственной власти и неумолимое давление азиатской периферии. Направления освоения и развития дальневосточных пространств подчинялись государственным интересам: Петербург и Москва сделали все возможное для превращения тихоокеанского фасада в подконтрольный придаток

сначала имперской, а затем и советской хозяйственной и политической систем. Уделяя особое внимание стратегической значимости дальневосточных территорий, руководство страны управляло ими, исходя из приоритетных внутри и внешнеполитических задач, поставив Дальний Восток в сильную зависимость от инициатив центральной власти. В результате последствия распада СССР приобрели на РДВ катастрофический характер.

В четвёртой главе авторы подробно рассмотрели проблемные стороны развития РДВ после распада СССР, затронув коллапс индустриальной сферы (в основном ориентированной на государственные заказы), отток населения и возникновение сепаратистских тенденций. Также в главе описаны процессы стихийной переориентации экономики РДВ в сторону АТР, происходящие на фоне криминализации дальневосточного социума и превращения Дальнего Востока в Дикий Восток» (аллюзия на Дикий Запад – Wild West). «Уход» государства и приход «дикого капитализма» в 1990-е годы стали настоящим вызовом для благосостояния и стабильности РДВ и только в 2000-е годы происходит оздоровление местной экономики (в том числе и благодаря финансовой помощи федеральной власти), которое, однако, не привело к улучшению экономической ситуации в целом: регион остаётся дотационным, почти 50% предприятий нерентабельные, усугубляют положение коррупция, бюрократизм и высокие налоги.

Среди позитивных изменений в экономике РДВ в постсоветский период авторы отмечают существенный рост объёма ВВП (в 2012 г. он составил 83 млрд. \$, что в 10 раз больше, чем в 2000 г.), а также постепенное изменение торговых предпочтений дальневосточных субъектов: если в начале 1990-х 7,5% товара с Дальнего Востока шло на российский рынок и только 6% за границу, то в 2015 – 21% – на российский рынок, а остальное – за рубеж. Заинтересованность азиатских соседей в продукции РДВ дало региону возможность выжить и в «лихие» 1990-е, и в кризисные 2008–2009 гг. Почти 80% товарооборота дальневосточных субъектов стало приходиться на страны СВА: Китай, Южную Корею, Японию, причём Китай стал ведущим торговым партнёром для 5 из 9 территорий РДВ.

В то же время авторы обращают внимание на ярко выраженный сырьевой характер дальневосточного экспорта, а также незначительные объёмы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в отрасли РДВ. Последняя проблема видится авторами как следствие низкого уровня привлекательности региона для инвесторов по причине суровых природно-климатических условий, неразвитой и устаревшей инфраструктуры, административных барьеров, депопуляции. Авторы отмечают, что экономическая составляющая играет важную роль как в развитии РДВ, так и в отношении дальневосточного населения к федеральной власти. Длительный экономический кризис в стране может ослабить доверие населения, создать базу для политических инсинуаций (в том числе и сепаратистского толка), а в условиях перманентного экономического проникновения Китая и других государств привести к усилению центробежных тенденций.

В пятой главе – «Московский план игры для ДВ» рассматривается эволюция политики федеральных властей с целью модернизации РДВ в годы президентства Путина и Медведева. В главе анализируются иницилируемые Москвой изменения в инфраструктуре РДВ, в т.ч. с акцентом на АТРовские рынки и экономики, а также говорится о создании специальных административных и налоговых режимов для РДВ, подконтрольных федеральному правительству. В авторской оценке и рассуждениях прослеживается логика геополитического подхода, согласно

которому Москва исходит из имперской парадигмы и активизируется в динамично развивающемся регионе, стремясь усилить здесь свои позиции. В то же время восприятие Москвой РДВ и Сибири как внутренних колоний России, игнорируя специфику их положения, внутреннего развития и внешних связей, ставит под вопрос последовательность и эффективность федеральных мегапроектов, создаваемых исключительно в интересах центральной власти.

Для характеристики современной модели управления дальневосточным регионом авторы используют термин «дальневосточное наместничество» (*vicerealty*), который означает подконтрольность действий на местах федеральному правительству. Начало подобной практики связано с созданием особого органа – Министерства развития Дальнего Востока (в мае 2012 г.) с целью координации и мониторинга федеральных программ для дальневосточного региона, а также с назначением на должность Полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) «москвича» Ю. Трутнева вместо «местного» В. Ишаева, 18 лет проработавшего губернатором Хабаровского края.

Авторы отмечают противоречивость новых инициатив, в том числе последних федеральных законов о территориях опережающего развития (2014 г.) и о свободном порте (2015 г.), и задаются вопросом, будут ли они доведены до конца или их постигнет судьба десятков предыдущих незавершённых проектов (особенно после снижения мировых цен на нефть и падения курса рубля), тем более, что правительству России так и не удалось направить РДВ на устойчивую и динамичную траекторию развития. По мнению авторов, правительство, вкладывая деньги в инфраструктурные проекты на Дальнем Востоке, не уделяло достаточного внимания социальным проблемам этих территорий, а их внешнеэкономическая ориентация на Китай поставила Россию перед риском превращения в сырьевой придаток Поднебесной. В то же время именно с Китаем связано прошлое, настоящее и будущее РДВ.

Главы с шестой по десятую представляют собой цикл, посвящённый роли Китая в судьбе российского Дальнего Востока. В шестой главе прослеживается эволюция российско-китайского стратегического партнёрства, уделяется внимание изменению восприятия Китая в российском обществе как угрозы (особенно в период трёх сроков Путина), обозначены дискуссии в отношении Китая среди российского политического истеблишмента.

Авторы отмечают, что укрепление российско-китайского квази-альянса происходило параллельно с обострением отношений Москвы с Западом, а украинский кризис привёл к консолидации российско-китайской геополитической оси. На протяжении 20 лет оценки Китая российским руководством трансформировались от умеренного алармизма к восприятию Поднебесной как доброго соседа, не строящего в отношении России экспансионистских планов.

Хотя в настоящее время Кремль не видит угрозы со стороны Китая в обозримом будущем, авторы отмечают существование разных позиций касательно перспектив российско-китайского сближения в политической и академической среде российского общества, среди которых наличествуют как синофобские идеи и скепсис в оценках преимуществ для России сотрудничества с Китаем, так и синофильские подходы, выступающие за расширение участия Китая в освоении просторов Сибири и ориентированные на создание в Евразии российско-китайского кондоминиума. Рассуждая о перспективах российско-китайского стратегического партнёрства, авторы выдвигают тезис, что реальному сближению России и Китая мешает отсутствие прокитайского лобби среди российской поли-

тической элиты по причине культурных различий двух держав, но существует вероятность, что выгоды от сотрудничества с Китаем способствуют формированию такого лобби в российских правительственных кругах. Что касается китайской стороны, то ей сейчас гораздо выгодней развивать добрососедские отношения и иметь возможность получать ресурсы от России, нежели создавать прокитайское лобби и вызывать ненужные подозрения относительно своих интересов.

В главе седьмой – «Russia-China's alliance; chimera or emerging reality?» («Российско-китайский альянс, химера или формирующаяся реальность?») авторы размышляют о возможности возникновения полноценного российско-китайского альянса и его геополитических контурах. Называя основным движущим механизмом потенциального российско-китайского альянса враждебное отношение обеих держав к американской гегемонии в мире, угрожающей их национальным и цивилизационным устоям и политическим режимам, вместе с тем авторы обращают внимание на то, что стратегическая ценность альянса заключается преимущественно в экономических и дипломатических измерениях: например, в обмен на экономическую независимость от Запада Россия предоставит Китаю доступ к своим природным ресурсам; а при условии признания Россией китайских интересов в Восточной Азии (ВА), Китай, в свою очередь, будет готов признать российские интересы в Центральной Азии (ЦА).

Однако подобный сценарий видится очевидным при условии равноценности участников альянса. В случае доминирования одной из сторон возникает почва для разногласий. В этом отношении прочность российско-китайского альянса будет во многом зависеть от степени американо-российских и американо-китайских противоречий. Зависимость России от Китая будет возрастать прямо пропорционально степени вовлеченности России в конфликты на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке с вероятностью постепенного превращения Москвы в «младшего брата» Пекина.

Несмотря на кажущуюся высокую степень доверительных отношений, есть проблемные стороны, которые могут стать причинами серьёзных разногласий между Россией и Китаем в будущем: вероятность соперничества в ЦА и Арктике, пограничные вопросы (существующая до сих пор проблема неравноправных договоров), недостатки взаимопонимания на социетальном уровне. Последний аспект тесно связан с тем, что у русских и китайцев разный менталитет, к тому же у молодых китайцев, представителей среднего класса, присутствует отношение к России как к зависимому от Китая государству.

Таким образом, пока страны имеют общий стратегический взгляд на международные дела, принципиальная ценность формирующегося между ними союза лежит в далеко идущих геополитических измерениях, где настороженное отношение к США явно превалирует над доверительными отношениями друг с другом.

В главе восьмой – «Is Russia moving into China's economic orbit?» («Войдёт ли Россия в экономическую орбиту Китая?») рассматривается экономический поворот России на Восток, выражающийся в ускоренной переориентации на Китай, особенно после украинского кризиса. Главной проблемой в двусторонних экономических отношениях остаются сырьевая направленность российского экспорта в Китай и мизерный объем китайских инвестиций в российскую экономику (полмиллиарда за 2013 г.). Вместе с тем произошли и очевидные сдвиги: российское правительство стало постепенно пускать китайский капитал в ключевые (нефтегазовые) отрасли экономики, а китайские инвестиции за 3 квартала 2014 составили 1,2 млрд. долл., что на фоне ухода западных инвесто-

ров выглядело существенным достижением; наконец, к концу 2014 было подписано 101 соглашение по энергетике, финансам, торговле вооружением, инфраструктуре и технологиям.

Несмотря на существование политической подоплёки российского «поворота на восток», авторы подчёркивают растущее взаимодействие России и Китая в экономических отраслях, нашедшее выражение в следующих сферах: заключение соглашений о колоссальных объёмах поставок нефти и газа в Китай и приглашение китайских инвесторов в освоение российских нефтяных и газовых месторождений, активизация использования национальных валют в двусторонних расчётах, совместное участие в Банке БРИКС и АБИИ и др. Авторы отмечают, что влияние Китая будет наиболее интенсивным в восточных частях страны, на территориях РДВ и Восточной Сибири.

В девятой главе – «A symbiotic relationship: RFE and China's Northeast» («РДВ и Северо-Восток Китая (СВК): симбиоз в отношениях») – анализируется растущая взаимосвязь китайских и российских интересов и политик на РДВ и исследуются возможности Китая в дальневосточном регионе. По мнению авторов, РДВ исторически зависел от торговли и прочих форм экономического обмена с Китаем (особенно с его северо-восточными провинциями), которые во многом определялись характером режима границ. Ужесточение пограничного контроля в советский период (1930–80-е гг.) сменилось в 1990-е либерализацией приграничной торговли и миграционных потоков, что стало спасением для дальневосточников, занимавшихся челночным бизнесом.

В начале 2000-х консолидация российского государственного контроля над трансграничными потоками не изменила тенденцию к возрастанию товарооборота РДВ и Китая и не повлияла на структуру торговли, в которой объём поставок промышленных товаров из Китая увеличился в несколько десятков раз. В то же время китайский бизнес не был заинтересован финансировать промышленные предприятия РДВ (в том числе, чтобы не создавать конкуренцию с СВК).

Со второй половины 1980-х Китай рассматривал приграничное сотрудничество с дальневосточными территориями СССР как ключевой источник экономического роста северо-восточных провинций (Дунбэй), а в начале 1990-х власти провинции Хэйлуньцзян решили отойти от расширения приграничной торговли к развитию экспортно-ориентированной экономики, нацеленной на рынок РДВ.

Проблемным аспектом в углублении отношений между РДВ и СВК является вера дальневосточников в существование «китайской угрозы», что сопряжено как с историей советско-китайской конфронтации (событиями на о. Даманский), так и с экзистенциальными опасениями в том, что соседи способны серьёзно подорвать экологический баланс дальневосточных территорий. Беспокойство населения РДВ вызывает также сосредоточение Китаем на границе с Россией своих вооружённых сил.

В главе десятой – «Beijing Sets its sights on the RFE» («Пекин нацеливается на РДВ») – авторы рассматривают вовлечение РДВ в орбиту интересов Китая, посредством подписания серии российско-китайских соглашений, с перспективой создания между РДВ и СВК интегрированного рынка со свободным движением ресурсов, капиталов, технологий.

В главе обозначены основные сферы и направления заинтересованности Китая в дальневосточных территориях: освоение природных ресурсов (нефти, газа, угля, железных руд, цветных металлов, пастбищ, лесных угодий), поставки в Китай электроэнергии, китайские инвестиции в сельское хозяйство, развитие транспортно-логистической инфраструктуры, информационных технологий, телекоммуникаций, расшире-

ние использования юаня и системы Union Pay, создание игорной зоны во Владивостоке.

По мнению авторов, уходит в прошлое то время, когда Китай рассматривал РДВ в лучшем случае как потенциальную сырьевую базу, а Россия не пускала китайских инвесторов в стратегические отрасли. На рубеже 2013–2014 гг. отношение Китая к РДВ меняется, на РДВ приходят китайские госкорпорации, и Пекин воспринимает эту территорию не как сырьевой придаток, а как «надёжный задний двор» и стабильный коридор поставки энергоресурсов в случае американской блокады южных морской путей.

Китай активно вовлекается в выгодные для себя добывающие, инфраструктурные, финансовые проекты и превращается в главного покупателя, потребителя и инвестора на РДВ, но будет ли это на пользу России? Поскольку Китай демонстрирует умение навязывать свои условия (в том числе на контракты по поставке нефти, газа, электричества), для Москвы в скором времени может возникнуть дилемма: китайские деньги или потеря экономического суверенитета на ДВ. В этом случае, несмотря на сотрудничество с Китаем, России необходимо диверсифицировать связи с другими зарубежными партнёрами, в том числе с США.

Одиннадцатая глава – «Russia and the USA. Is collaboration possible?» («Россия и США: возможно ли сотрудничество?») – охватывает длительный период отношений США с РДВ (начиная с деятельности Российско-Американской компании и продажи Аляски) и включает стратегические и экономические аспекты двустороннего взаимодействия. Авторы отмечают существенное ослабление внимания американцев к восточной части России за последние годы и видят в этом ряд причин.

Прежде всего, виноваты политические разногласия между двумя державами, имеющие как ценностный (США выступают за защиту демократии и свободы на планете, в то время как в России это воспринимается как повод для вмешательства во внутренние дела других государств), так и экзистенциальный характер (Россия и США воспринимают друг друга как потенциальную угрозу в силу сопоставимости военной мощи и гипотетической возможности нанесения непоправимого обоюдного ущерба). Другим немаловажным фактором являются слабые экономические связи двух государств, из-за чего оказалось возможным применение антироссийских санкций. Наиболее вероятной сферой для сближения позиций США и России являются вопросы международной безопасности (усиление Китая, северокорейская проблема, формирование архитектуры безопасности в АТР), но и здесь стороны не демонстрируют готовности развивать сотрудничество.

В целом авторы скептически оценивают американское присутствие на РДВ, которое, параллельно с усилением конфронтационности между Москвой и Вашингтоном, становится все менее заметно. Американский бизнес осторожен, охлаждение отношений его отпугивает. Антироссийские санкции, инициированные США, коснулись финансовых, энергетических и оборонных сфер российской экономики. Западные корпорации стали избегать иметь дела с Россией, даже нефтяной гигант ExxonMobil к октябрю 2014 г. покинул 9 из 10 проектов с Роснефтью на Сахалине.

На волне украинского кризиса усиливаются антиамериканские настроения на РДВ. В то же время авторы полагают, что если России и США сумеют умерить свои разногласия на постсоветском пространстве, это станет импульсом для их дальнейшего двустороннего сотрудничества в АТР.

В главе двенадцатой – «What next for the RFE?» («Что ждёт дальше РДВ?») – ставятся вопросы, касающиеся перспектив РДВ, обладающего не только потенциальными возможностями (обширность территории,

природные ресурсы, выход к динамично развивающемуся региону, уникальный транспортный коридор), но и несущим проблемную нагрузку для федерального центра в силу отдалённости, малонаселённости и слабой освоенности. Несмотря на очевидный тренд на укрепление позиций Москвы на Тихом океане, будущее РДВ представляется неопределённым с высокой степенью вероятности его попадания под «тень Китая», что, в свою очередь, чревато эрозией российского контроля над данной территорией.

Очевидно, что как для укрепления своего влияния, так и для реализации долгосрочных интересов в АТР Москве необходимо сотрудничать с другими региональными игроками, способными выступить балансом в отношении к растущему Китаю, и здесь авторы уделяют внимание США, для которых РДВ является важным не столько с точки зрения экономики, сколько в аспекте геополитических интересов. Для Вашингтона важно, чтобы РДВ интегрировался в экономики стран АТР, но не превратился в придаток Китая, который теоретически сможет получить возможность угрожать Штатам через северо-восток России.

Несмотря на то, что совместные российско-американские стратегические инициативы подошли к концу, а Москва использует риторику об опасности «американского влияния в АТР», без сотрудничества с США, мощной державой, обладающей авторитетом на глобальной арене, способной инициировать и создавать международные коалиции и проекты и привлекать крупных инвесторов, России будет гораздо сложнее развивать дальневосточные территории без риска попасть под влияние Поднебесной. Подобная логика отражена в приведённых авторами в заключении сценариях развития РДВ и рекомендациях для американского политического истеблишмента.

Таким образом, развитие РДВ зависит от последовательных действий со стороны Москвы и сопряжено с вовлечением России в АТР. Важно, чтобы данный процесс не был инерционным и стал составной частью национальной стратегии, нацеленной на укрепление партнёрских отношений и сбалансированную интеграцию в регионе. Вместе с тем нельзя исключать возможности встраивания РДВ в конфигурацию большой геополитической игры с участием Китая и США. В этом случае перед российским руководством встаёт непростая задача обеспечения политической и экономической стабильности на тихоокеанских рубежах. Кроме того Москве придётся проявить дипломатическую виртуозность, чтобы обезопасить свои интересы в АТР и выработать привлекательный для региональных держав курс, основанный на общем видении проблем безопасности и сотрудничества.

